

ДМИТРИЙ БОСЯЧЕНКО

ЖДАТЬ

Она вернется

Дмитрий Босяченко

Ждать

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8884163

ISBN 9785447404017

Аннотация

Мать и «особенный» сын: два героя, два голоса повествования, две точки зрения. У каждого своя история, своя правда, своя судьба, но в тоже время единая на двоих жизнь, которую невозможно изменить, чтобы не погубить одного из них. И все же она решает уйти. Мужественный поступок сильной женщины или предательство, отчаянная попытка быть до конца честной перед собой, либо подлое малодушие? Каждый решит сам. Эта откровенная, пронзительная, запредельно честная история любви.

Содержание

1. Обо всём по порядку	5
2. И снова по порядку... не получается	9
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ждать

Дмитрий Босяченко

*Я буду ждать еще и еще, пока во мне еще есть
силы ждать долго-предолго.*

(Юкио Мисима)

© Дмитрий Босяченко, 2020

ISBN 978-5-4474-0401-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Обо всём по порядку

Если говорить начистоту, то больше всего на свете я не люблю ждать.

И больше всего на свете я люблю путешествовать.

Правда путешествовать у меня получается только тогда, когда я нахожусь в ожидании. Можете представить, как меня это бесит!?

Потому что, когда мама дома, мне уже ничего не нужно.

Но обо всём надо по порядку, так говорит мама. Она постоянно твердит, что у меня мысль рассеянная. Это значит, что я прыгаю с одной мысли на другую, сам не замечаю, как.

Я и книжки также читаю. Не успеваю дочитать одну – начинаю другую. Часто потому, что не терпится начать новую историю, но ещё чаще из-за того, что концовка мне уже известна. Предсказывать конец, в принципе, не кажется мне сложным. Я записываю свой вариант на листок, а потом спрашиваю у мамы «чем закончилась» интересующая меня книга. И она отвечает. По моим подсчётам до сегодняшнего дня ответы совпадали на 94,5%! Моя мама свидетель. Она любит читать. И, к тому же, она филолог по образованию. Мне кажется, она прочитала все книжки мира! Или, как минимум, все те, что есть у нас в шкафу. А их там полным-полно. Не подумайте, я не хвастун. Просто опытный читатель.

Короче, из-за того, что случаются истории с предска-зуе-

мым финалом, книги я делю на интересные, которые дочитываю до конца, и обыкновенные.

Сегодня я проснулся раньше привычного, но мамы уже не было дома. «Странновато», – подумалось мне. Её выходной в магазине – мой праздник. Ведь обычно, даже в рабочие дни, она помогает мне одеться, умыться, сделать туалет и приносит завтрак. Но бывало и так, что ей нужно было уходить пораньше: на подработку, на дачу летом или за чем-нибудь на дальний рынок, где деревенские продавали по дешёвке продукты, начиная с пяти утра. На этот случай мама оставляла рядом с кроватью тазик с водой для умывания, на столе у кровати – термос, вкусности к чаю и записку, на вроде:

«С добрым утром, соня!»

Всё было на месте, кроме записки. «Странно», – опять подумалось мне.

Я проверил, случились ли утренние процедуры. Раньше я ещё мог это контролировать. Потом мог только на половину, частично, так сказать. Но в последнее время с этим большие проблемы. Ну, да ладно, не так уж это страшно. Вернее, ко всему привыкаешь.

Перекусил в одиночку.

Поел. Включил телевизор. Новости. Новости спорта. Передачи о том, что надо есть, как готовить и чем лечиться. Ничего не оставалось, кроме того, как запустить ноут

и закачать какой-нибудь фильм. На фильмы я повёрнутый. У меня имеется специальный, регулярно пополняемый список фильмов, которые надо успеть посмотреть. Поставил на скачку — «Хладнокровное убийство» 67 года. Успел немного почитать. Несколько книжек и журналов всегда ожидают меня на нижнем ярусе столика, что подле кровати. До них легко дотянуться.

Дж. Барт — «Конец пути». Мне подарила её мама, как всегда обернув в чистое, белое, нетронутое полотно. Она приносит мне по одной-две книжки в неделю, специально обернув каждую обычной бумагой. Обертка нужна сразу для нескольких целей. Ну, во-первых, так сохраняется интрига, рождается сюрприз, ведь ещё какое-то время, уже держа тайник в своих руках, я не знаю, что там. Во-вторых, это просто практично — мягкая обложка самой книги не задирается по краям, как сухие листья, не замусоливается, не рвется. И в-третьих, у нас имеется общая игра, вернее увлечение. Прочитав произведение, мы с мамой пишем на чистом листе уже знакомой нам книги собственный вариант её названия, а также делаем иллюстрацию к оформлению, в зависимости от полученных впечатлений, оставляя неизменным только авторство. Такое вот баловство.

Прошло сколько-то минут. Долгих. Нудных. И я знаю отчего. Я чувствовал, как подступает ненавистное ожидание. Ждать.

Ничего не могу с собой поделать. Когда её нет дольше

обычного. Да когда её просто нет.

Такая вот зависимость.

Проверил все социальные сети, почту, форум. При том по несколько раз. Навернул по ним пять виртуальных кругов. Вдруг пока я читал новости «ВКонтакте», кто-то написал мне на мыло. Признаюсь честно, без Интернета я бы совсем двинулся.

Так я скоротал час. Эх, нужно было поспать подольше. До обеда. Провести это время во сне было бы куда интереснее. Знаете ли, сны иногда бывают такими увлекательными. Даже у меня.

Начал смотреть фильм. Не смотреть, а просто пропускать, не моргая, картинки и звуки через себя. Позволять им пройти насквозь, дальше. К соседям. Или на улицу. Потому что, на самом деле, я начал ждать.

Единственным действенным оружием против ожидания является путешествие. Любое путешествие. Даже выдуманное, как бы не настоящее даже.

Нажав на паузу, я убрал ноут. Приподнял подушку. Приподнялся сам. Как смог, конечно. Уставился в стену, и отправился в путь.

Я практикую ментальные путешествия вот уже пять лет. Я открыл их для себя через два года после того, как всё изменилось.

Но обо всём надо по порядку, ведь так?

2. И снова по порядку... не получается

«Митеньке.

Моему любимому Сыночку.

Я начну по порядку. С самого начала. Такбудет правильнее. И понятнее. Может, тогда ты сможешь понять меня. И, возможно, простить.

Сегодня утром я ушла из дома навсегда. Ушла от тебя. Сбежала. Навсегда. Я больше так не могу. Не могу. У меня разрывается сердце видеть тебя таким. У меня разрывается сердце. Оно тяжелое, как самое страшное воспоминание. Оно будто в гипсе. Я просыпаюсь и чувствую его в груди. Как будто там что-то чужое. Оно тянет меня к земле. Если оно застопорится на ходу – я наверняка упаду головой вниз, как страус)), и никто уже не сможет меня поднять.

Мне хочется вырвать его, избавиться, выбросить на дорогу. Пусть топчут.

Слишком много чувств.

Вспоминала сегодня, как, примерно месяц назад, я пришла к тебе в комнату поутру, а ты лежал с лицом мокрым от слез, ноне плакал. Не издавал звуков, и казалось, даже не моргал. Ты рассказал мне тогда, что тебе приснился сон.

Ты говорил: «Понимаешь, это был очень явственный сон, почти настоящий, как жизнь. Представь, что я сижу у окна и наблюдаю за небольшой птичкой, которая будто ласточка перед дождем низко летает кругами по двору. Порой, она пролетала совсем рядом с домом, с нашим окном, будто играла со мной. Она виртуозно пикировала вниз почти до самой земли, и вдруг вновь поднималась. А потом она взлетела высоко-высоко! И ещё дальше и выше. И я, было, начал во сне радоваться за нее, ликовать, как будто помог ей вырваться из плена, но когда она превратилась в далекую почти невидимую точку, мне стало страшно. Невыносимо тревожно, как перед бурей, как перед тем самым прыжком в воду... Я понял, что, если она улетит, то уже никогда не вернется. Но я не закричал, не попытался ее позвать обратно. Я понял, что так будет лучше, хотя бы для неё так будет лучше и мне нужно сдержаться. Во сне я просто начал плакать, чтобы не осталось дыхания и сил на крик, чтобы он не вырвался сам собой, а может от радости или от горя, но скорее всего от всего сразу!

И вот я сижу один и плачу, смотрю на мою птицу, которая улетает от меня все дальше. Мне больно, но в то же время я счастлив за неё. Я ощущаю улыбку на своем лице, уже не понимая – во сне ли это происходит или наяву. Она улетает. И я просыпаюсь.

А потом пришла ты. Прямо через минуту! Но я ведь совсем не кричал? Не кричал, ведь так?».

– Нет, не кричал, – сказала я, – Ничего, это всего лишь сон, – я не нашла тогда лучших слов.

– Но она ведь вернется, правда? Птицы ведь всегда возвращаются!

Я провела рукой по твоим волосам. Вытерла слезы со щек. И ничего не ответила.

Сегодня ночью мне не суждено было заснуть. Опять слушала твой живот – дышит ли он. Снова терпела, чтобы не подсесть на край твоей кровати и гладить стожок твоих чернящих волос. Знаю, что ты этого не любишь. Любишь, конечно, но стесняешься. Ведь ты уже взрослый.

По порядку не выходит, как всегда. Неправильно получается. Не так, как хотелось бы. И в жизни так...

Помню, как твой Отец целовал мой живот. Разговаривал с тобой, не родившимся ещё. Подсовывал в карманы небольшие записочки. Писал в роддом, когда ты только-только появился на свет. Он говорил в них, что «счастлив», что теперь «жизнь изменится», потому что мы сотворили чудо! Так оно и было. Он говорил, что ты его «маленький кусочек» и что мы «одноцелое».

Он смеялся над тем, как ты поднимаешься пола на ножки, задрав сначала свою попу кверху, потому что она перевешивала тебя то и дело назад, опираясь ручонками о пол, вниз головой. Он прозвал тебя «страусёнком». Дети могут так подолгу стоять. И им ничего не делается. Забавно. Он называл тебя страусенком.

Он любил нюхать твои жиденькие волосы, слушал твои посапывания, как песни, и почти плакал, когда ты накрепко зажимал своей маленькой ручонкой его указательный палец, не желая отпускать его от себя. Помню, если ты вот так сжимал его палец, а потом засыпал, он боялся отпустить тебя, освободиться и вы сидели, слившись в единый комок, пока ты не проснёшься, куда бы он не спешил... Наш Отец.

Потом он ушёл от нас. Ты помнишь, конечно. Тебе было уже восемь.

Он не умел хватать, красть, вырывать кусок, как все вокруг, не умел врать, юлить, приспосабливаться. Не умел говорить «нет». Потому ему никогда не удавалось быть успешным, наверное. Так это называется. Заиметь много денег, чтобы было много денег. Я говорила ему, что «и так хватает». Но он всегда хотел большего для тебя, для меня, для нас. Хотел, чтобы мы не нуждались. И жили так, как мечталось когда-то.

Всё наше время, вся наша жизнь уходила на то, чтобы мы могли расплатиться за неё. Так, будто при рождении мы заложили собственные жизни в ломбард под огромные проценты, и теперь должны выплачивать их ежедневно, чтобы вернуть обратно свою судьбу. У одних это получается сделать очень быстро, другим удаётся расплатиться за свою жизнь к её середине, но большинство трудятся до самой смерти, так и не успев пожить. Мы не знали, как жить «по правилам» и продолжали говорить правду, замечать хамство и бороться

с ним, кричать, когдабыло больно, плакать, когда становилось невыносимо грустно, и застывать посредиулиц при виде чего-то прекрасного...»

3. Два раза

Как всегда, на каникулах я поехал вдеревню. Был мой год. Значит, мне было двенадцать. Это логично. Год петуха. Если честно, мне не очень-то нравится мой знак по китайскому гороскопу. Вот, если бы тигр или дракон? Сейчас тоже мой год.

Я прокручивал эту сцену уже много раз. Слышал из маминых уст ещё больше, когда она рассказывала её всем родственникам, друзьям и всяким другим «сочувствующим».

Я прокручивал её уже слишком много раз, потому расскажу максимально коротко. Мы побежали с ребятами на реку. Один чувак сказал, что нашёл новое клевое место, откуда можно круто понырять. Меня не было в деревне целый год. Ребята шутили надо мной, что я загордился, стал обычным «городским ссыкуном». Меня никто не просил и не подталкивал. Я просто решил доказать свою смелость. И прыгнул первый. Задрав задницу, вниз головой, как страус. Теперь я тоже, как страус – птица, не способная летать. Зачем тогда быть птицей? Если бы не фантазия, если бы не мои путешествия. Нет, всё-таки мне повезло больше, чем этой несчастной птице.

Я прыгнул первым. На неглубоком дне лежал металлический обломок от старого кузова. Я превратился в круги на воде.

Вынырнул обратно только через пять дней. Несколько суток я был в коме. Мне сделали операцию. Мне поставили первый диагноз: «Перелом шейного отдела позвоночника с повреждением спинного мозга».

После долгих странствий по врачам, психотерапевт прибавил второй: «Регрессия, психологический инфантилизм».

Потом ещё многое разъяснял маме в кабинете, а я подслушивал:

«...может оно и к лучшему... все невзгоды илишения, а я буду с вами откровенен, их ждёт вас немало, он будет переносить сприсущей детям непосредственностью и стойкостью... знаете ли, дети ведь намного сильнее нас... взрослых...»

Инфантильный инвалид. Звучит по-дурацки.

Вот и вся история.

Сначала казалось так, если бы я надел другую голову. И вижу чужую жизнь. Плакать не хотелось. Хотелось вырваться из себя, как из грязной одежды. Встать. Убежать на реку. Стоять там, смотреть вмут воды и решить не прыгать, а пойти в дом. Поест бабушкиных блинов, драников, попить чаю

или холодного квасу. Потискать котов.

Встать я не мог. Моё тело застыло. Оледенело. Стало камнем. Не моим. Совсем неправильные сравнения. Правильных ине подберёшь. Всё целиком. Представляете? Вряд ли. Никаких ощущений. Пропаларечь. Движений тоже нет. Ног, рук, живота, шеи. Нет. Только глаза.

Они взяли на себя всё. Они мёрзли, когдабыло открыто окно, они уставали общаться со светом, потому что не закрывалисьцелый день. Кажется, я даже моргать стал реже, чтобы больше успеть увидеть, впитать. Но не когда меня приходили навещать, ведь я научился говорить глазами:

«Митенька, здравствуй!» – и я улыбаюсь ими, подмигиваю: «Привет, ба».

«Митька, ты тут шикарно устроился! Вшколу не нужно лазить» – а я... -«Смотрите-ка, он смеётся! Честное слово ребзя, у него такие же глаза, когда онсмеётся!» – смеюсь.

«Тебе больно? Не терпи?» – я моргаю одинраз, и девочка медсестра выжимает шприц чуть медленнее.

«Я вижу, тебе грустно. Я чувствую, кактебе одиноко в твоём коконе. Я могу не уходить. Хочешь, я останусь ещё на однуночь? Здесь. Рядом с тобой?» – говорит мама, и я моргаю два раза, я говорю ей —«Нет, не надо!...ты и так уже устала,

ты моя самая любимая. Мама, я очень тебя люблю! Я боюсь. Мама, я хочу умереть. Я не хочу тебя больше мучить! Я боюсь. Мамочка, я хочу, чтобы ты никогда не уходила, никогда! иначе я умру! Я очень люблю тебя мама, очень... я не хочу умирать... не хочу» – я моргаю два раза, но она всё равно остаётся. Она знает наш язык.

И всё равно остаётся.

4. Всё довольно просто

«Он продолжал подсовывать мне самодельные ювелирные конвертики с записками в карманы халатов, одежды праздничных будничных, под подушки, в холодильник, сумки и пакеты, ящики, книги, тапочки. Хитро упрятывал их в забытые места нашей квартирны, и, бывало, я находила их лишь спустя несколько месяцев... А он смеялся тогда в голос, рассказывая о том, какая я рассеянная, потому что иной раз «смотрела прямо на них и не замечала».

Мои карманы стали сокровищницами, где всегда можно было найти клад. Настоящий клад. Понимаешь? Его простенькие признания, шуточки, всего несколько слов:

«Мне очень нравится, как мы вот так спим втроём в обнимку – на одной крохотной кровати: ты, я и наш маленький кусочек».

«Всё довольно просто: я – твой, ты —моя, он – наш, а мы – его. Каждый друг для друга. А как иначе».

«Твой смех. Ты смеёшься.

Громко, беззастенчиво. Приходишь и рассказываешь что-нибудь, захлёбываясь словами, как ребёнок, улыбаешься, как-топо-своему – больше глазами, а я совсем не слушаю «их», но смотрю на твои губы. Как они приоткрываются, играют, как они радуются сами по себе и радуют всехвокруг. Ты замечаешь это и делаешь вид, что обижаешься, но на самом деле ещёбольше смеешься.

Ты смеёшься. Твой смех.

Твои глаза, твои губы, охваченныесамостоятельной улыбкой... я вижу это каждый день. И потому и живу».

«Мне нравится, что твои глаза умеютговорить на тайном языке. Только с нами».

«Посмотри! Вот прямо сейчас, покачитаешь, подойди к нему. Посмотри на него. На наше крошечное чудо. Видишь. Оннеобыкновенно прекрасен. Это – ты».

«Я твой. И нет меня без тебя».

«Привет! Я почти что уверен, что покаты, в который раз с мокрыми глазами, умиляешься моему сюрпризику (хотя,

давнопора бы было уже к ним привыкнуть и не обращать на них и малейшего внимания) —на кухне, уличив момент, как всегда втихую, убегает под стол какая-нибудь едаиз кастрюлей!

P.S. растягивал предложение, как мог, чтобы побег удался)»

«Я твой».

Я ждала их. Я привыкла. Делала вид, что мне всё равно. И начинала волноваться, если не могла обнаружить их дольше обычного. Я знала, что когда они закончатся – угаснет нечто важное. Но каждыйраз он давал мне подсказки, и они обязательно находились вновь. И я была счастлива. Так он помогал мне, так давал сил, которых не хватало так же, как нехватало терпения, денег, банальных удобств, времени, чтобы проводить его стобой, простого благополучия...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.